

ИЗЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБЪ
И. И. СРЕЗНЕВСКОМЪ.

Любя отечество, люби науку. Она намъ не-
обходима — строгая въ изслѣдованіяхъ, отвѣт-
ственная передъ цѣльмъ свѣтомъ, по родной по-
направленію, родная по языку... Любя науку не-
въ себѣ одноть, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ
и во всемъ, и тепли любовь эту въ гоношахъ.

(Рѣчь И. И. Срезневскаго въ день стодѣтія
смерти Ломоносова 7 апр. 1865 г.).

Идетъ 43-й годъ съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдій
разъ студенты-филологи Петербургскаго университета,
выпуска 1870 года, прощались съ своимъ профессоромъ
и деканомъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ. На
жизненномъ пути у насъ были послѣ свои большія радости;
надобно думать, каждому судьба подарила свои лучезарные
дни, — но этотъ свѣтлый праздникъ въ домѣ профессора и
академика И. И. Срезневскаго, длившійся съ вечера и до
полнаго разсвѣта, остался въ нашемъ воспоминаніи однимъ
изъ несравненныхъ по яркости мгновеній, котораго не
затянули флеромъ никакія впечатлѣнія послѣдующихъ лѣтъ.

Это было въ началѣ 20-хъ чиселъ мая и происходило
въ верхнемъ этажѣ дома на 14-й линіи Васильевскаго
Острова. Насъ, товарищей по курсу, было шестнадцать
человѣкъ, да студента четыре другихъ, филологовъ и
юристовъ.

Въ эту ночь мы праздновали окончаніе своего школьнаго периода, продолжавшагося, самое малое, у кого 11, у кого 16 и болѣе лѣтъ, периода, далеко не для всѣхъ полнаго лишь однихъ свѣтлыхъ воспоминаній. Добрая половина изъ насъ были прежними семинаристами, а духовная школа, низшая и средняя, продолжалась тогда, по меньшей мѣрѣ, 12 лѣтъ, — и строй жизни, при общей нашей материальной бѣдности, парилъ тамъ, въ 50-хъ годахъ, такой суровый, что рассказы о тѣхъ порядкахъ нынѣшнимъ поколѣніямъ показались бы и легендарными и непонятными.

Эта ночь открывала намъ завѣсу предъ завтрашней свободой, которая молодому воображению каждого изъ насъ сулила, разумѣется, только одинъ радости, только успѣхи въ свѣтлой перспективѣ будущаго... Какъ же намъ было не веселиться на этомъ празднике, устроенномъ нашимъ деканомъ и его милой семьей, радушнымъ гостепріимствомъ которыхъ мы имѣли особливое счастье пользоваться въ теченіе всего университетскаго курса! Вмѣстѣ съ нами оканчивали университетъ два старшіе сына этой семьи, Владимиръ и Вячеславъ Измайловичи,—и мы, ихъ товарищи, съ первого же года студенчества получили приглашеніе бывать на еженедѣльныхъ субботнихъ собраніяхъ Измаила Ивановича. Съѣхавшиеся въ Петербургъ изъ бѣдныхъ захолустій отдаленныхъ провинцій, мы здѣсь впервые увидѣли изящныя формы жизни, о которыхъ и слабой тѣни представленія, до тѣхъ поръ, имѣть мы не могли.

Къ радости, охватившей насъ всѣхъ въ этотъ вечеръ, примѣшивалось и сознаніе предстоявшей за порогомъ этого дома товарищеской разлуки, — а это еще болѣе усиливало желаніе «провести эту ночь веселѣй!»

Въ исключительно музыкальной и художественной

семь Срезневскихъ эта ночь пролетѣла въ музыкѣ, пѣніи, отгадываніи шарадъ и танцахъ для тѣхъ, кому это хореографическое искусство было доступно. Много было тутъ оживленныхъ и задорныхъ рѣчей о будущемъ, о планахъ, которые каждый изъ настъ успѣлъ для себя составить на ближайшіе годы. Личный составъ нашего курса наши профессора считали, по тѣмъ временамъ, и значительнымъ по числу (!), и достаточно приготовленнымъ для научной дѣятельности. Шестеро изъ настъ мечтали о магистерствѣ и профессорскомъ поприщѣ. Иныхъ напередъ мы звали директорами гимназій, въ ту пору не зная другихъ, высшихъ служебныхъ для педагога мѣсть; нѣкоторые изъ настъ собирались быть писателями-педагогами. Обо всемъ этомъ разсуждалось здѣсь откровенно и смѣло.

Но вотъ среди этихъ рѣчей совершенно неожиданно раздался густой, бархатистый, отлично вышколенный баритонъ, выразительно выводившій:

« Во Францію два гренадера,
Изъ русскаго плѣна брели... »

Все замолкло и изъ разныхъ комнатъ всѣ, и гости, и хозяева, и старь и младь, всѣ спѣшили въ залъ узнать, кто этотъ новоявленный артистъ, существованія которого иные и не подозревали. И чуть-ли не стремительнѣе всѣхъ вышелъ сюда самъ Измаилъ Ивановичъ, передъ тѣмъ бесѣдовавшій съ кучкой студентовъ въ своемъ кабинетѣ. Пѣль, увѣренно и какъ настоящій артистъ, Д. Н. Соловьевъ, бывшій ярославскій семинаристъ, этотъ особенно скромный и застѣнчивый филологъ, какъ-то особнякомъ и медленно проходившій университетскій курсъ, который у него значительно затянулся. Онъ съ нами лишь держащъ выпускной

экзаменъ, а по времени вступлениі въ университетъ быль старше насть. Какъ оказалось, онъ, въ студенческіе годы, специаально занимался въ Петербургѣ пѣніемъ и музыкой. Пѣніе онъ страстно любилъ и въ теченіе всей послѣдующей жизни—и петербургскимъ учителемъ, и на высокихъ ступеняхъ бюрократической лѣстницы. Состол впослѣдствіи директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода при К. П. Побѣдоносцевѣ, онъ пропагандировалъ мысль о лучшей постановкѣ пѣнія въ школахъ духовнаго вѣдомства. Въ ту ночь мастерство Соловьевъ въ этомъ искусствѣ было для насть огромнымъ удовольствіемъ; и Измаилъ Ивановичъ, и всѣ другіе засыпали пѣвца аплодисментами и похвалами. Обрадованный такимъ восторженнымъ приемомъ, нашъ артистъ отвѣтилъ «Сномъ» Лермонтова, спѣтымъ имъ еще съ болѣшимъ спокойствіемъ исполнителя,увѣренаго въ себѣ:

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежаль недвижимъ я.
Глубокая еще дышла рана
По каплѣ кровь тошилась моя... и т. д.

Молодежь послѣ того не давала ему, конечно, ни отдыху, ни сроку своими непасытными просыбами пѣть еще и еще, пока этотъ сильный и склонный къ тучности дѣтина не запросилъ пощады.

Если талантъ Соловьевъ быль неожиданнымъ для многихъ изъ участниковъ того незабвеннаго вечера, то музыкальное искусство другого нашего товарища по курсу было давно известно всемъ намъ. Этотъ товарищъ нашъ быль особаго рода. Аристократъ по происхожденію и исключительно даровитый отъ природы, онъ получилъ

ранѣе университета въ Дерптѣ и за-границей прекрасное образованіе; не говоря о трехъ новыхъ языкахъ, которыми онъ опѣ владѣлъ въ совершенствѣ также и практическіи, онъ уже на I-мъ курсѣ историко-филологического факультета обнаружилъ такое знаніе греческаго языка, что нашъ ловѣрчивый профессоръ-эллинистъ К. Я. Люгебиль говорилъ намъ: «изъ него можетъ выйти отличный филологъ». Съ лингвистическими познаніями этотъ товарищъ соединялъ и художественную натуру даровитаго музыканта. Онъ былъ пианистомъ, скрипачемъ и композиторомъ. Но это-то обилие дарованій да богатство и слишкомъ ранняя свобода отъ контроля въ домашней жизни и не дали развиться ни одному изъ нихъ до полнаго расцвѣта. Со второго года онъ запустилъ свои занятія факультетскими предметами и еле окончилъ курсъ. Въ тотъ вечеръ, радуясь тому, что и онъ получаетъ дипломъ, хотя и послѣдней степени, онъ былъ въ ударѣ и игралъ много и съ увлеченіемъ, точно въ предчувствіи, что это—уже его «лебединая пѣснь» въ средѣ, за предѣлами которой его ждала тревожная жизнь, между прочимъ, и странствующаго музыканта, какимъ, вмѣстѣ съ набранными имъ не斯特рымъ оркестромъ, можно было его видѣть по улицамъ и площадямъ въ городахъ Италии и Швейцаріи . . .

Майская ночь среди этихъ быстро смынявшихся развлечений для насъ пролетѣла быстро и занялась розовая заря. Уже совѣтъ разсыпало, а банкетъ нашъ все продолжался. Свѣчи и лампы были болѣе ненужны. Наступало утро, пробуждался городъ, а неугомонная молодежь, значительная часть которой окружала Изманла Ивановича, все не оставляла гостепріимной семьи, словно каждый изъ насъ боялся, что, съ закрытиемъ двери этого дома, окончится

его студенчество и сейчас же начнется новая полоса жизни. Измайлъ Ивановичъ былъ особенно оживленъ и бесѣдовалъ съ нами, не зналъ усталости. Онь говорилъ намъ и на этотъ разъ о серьезности въ трудахъ, о надлежащей научной работе, каковою онъ признавалъ только пріобрѣтеніе знаній путемъ изученія источниковъ и основъ каждой науки. Тутъ И. И. повторялъ свою излюбленную мысль, что вмѣсто большихъ диссертаций лучше бы печатать болѣе *краткія по объему сочиненія*, куда входило бы только необходимое, главное и строго прогрѣнное. «Съ размноженіемъ пишущихъ», говорилъ И. И., «не будетъ доставать времени внимательно перечитывать толстые книги съ ихъ длинными разсужденіями. Пусть научныя изслѣдованія идутъ своимъ чередомъ, но изложеніе ихъ результатовъ должно быть возможно краткое и ясное, такъ чтобы для установившихся научныхъ открытій послѣ находилось мѣсто на страницахъ научныхъ словарей». Словарямъ по каждой историко-филологической дисциплинѣ И. И. придавалъ исключительное значеніе, какъ хранилищу научныхъ истинъ, болѣе доступному для каждого, чѣмъ разбросанная монографическая и журнальная литература.

Уже почь смѣнилась свѣтлымъ солнечнымъ утромъ, когда мы наконецъ сообразили, что «ударилъ часть и намъ разстаться». И Измайлъ Ивановичъ, надписавши каждому по своей фотографической карточкѣ и одѣливши нась ими, въ отвѣтъ на нашу общую, поднесенную ему, группу, съ яснымъ оттѣнкомъ грусти на лицѣ, провожалъ нась на верхней площадкѣ лѣстницы. «Прощайте, господа», — говорилъ онъ здѣсь, — «вмѣстѣ съ вами уходитъ отъ меня и моя молодость, воскресшая было для меня въ моихъ дѣтяхъ-студентахъ. И они, какъ вы, переставая быть

студентами, перешагнуть черту юности, а я уже безповоротно становлюсь теперь старикомъ. Будьте же счастливы и не поминайте меня лихомъ».

Вотъ послѣднія слова Измаила Ивановича, которыя мы— студенты слышали, стоя уже на лѣстнице. Молча и низко поклонились мы нашему старому учителю, молча и медленно спустились мы внизъ. Отъ подъѣзда, сказавъ кликами и жестами послѣднее *прости* дорогому приюту нашихъ студенческихъ лѣтъ, мы прошли на набережную Невы и здѣсь, у красавицы-рѣки, осиянной солнечнымъ блескомъ прекраснаго майскаго утра, въ виду блеставшаго золотомъ купола Исаакія, мы перецѣловались и простились, чтобы къ вечеру того же дня навсегда разойтись въ разныя стороны Россіи. Тамъ, по отдаленнымъ другъ отъ друга мѣстамъ, въ послѣдовавшіе годы три четверти нашего курса давно сложили свои кости, оставивши по себѣ добрую память добросовѣстныхъ тружениковъ, каждый въ своемъ дѣлѣ, на которое поставила его судьба. Они нашли себѣ мѣсто вѣчнаго покоя въ Одессѣ, въ Кіевѣ, въ Новгородѣ, въ Петербургѣ, въ Польшѣ и на Кавказѣ.

II.

Выше я сказалъ, что мы студенты-провинціалы увидали изящнія формы жизни высоко-культурной среды—впервые въ домѣ И. И. Срезневскаго. Это было дѣйствительно такъ, потому что сюда мы приглашены были раньше, чѣмъ получили доступъ въ другія профессорскія семьи. Послѣднєе счастье выпало иѣкоторымъ изъ насъ уже въ слѣдующіе годы, когда опредѣлились наши специальныя научныя на-

клонности и когда мы выбирали себѣ руководителей между профессорами. И мы сами были въ эту пору уже нѣсколько другими.

Но Измаилъ Ивановичъ и по должности декана, и какъ отецъ двоихъ студентовъ нашего курса, стала къ намъ въ близкія отношенія съ первыхъ же недѣль нашего студенчества. Какъ декантъ, онъ первый узналъ крайнюю бѣдность большинства изъ насы. Съ первыхъ же недѣль онъ принялъ на себя заботу объ освобожденіи насы отъ платы за слушаніе лекцій: 50 рублей тогдашняго годичнаго взноса были суммой для нашихъ тощихъ кошельковъ непосильной. Измаилъ Ивановичъ всѣхъ насы отъ такой платы освободилъ на всѣ 4 года. Эти хлопоты онъ долженъ былъ вести передъ правленіемъ университета, вѣдавшимъ хозяйственныя интересы учрежденія. Прошли три первые мѣсяца и наши финансовые запасы, полученные изъ дому, совсѣмъ истощились, хотя мы и были очень экономны, занимая комнату вдвоеемъ и даже втроемъ за 7 руб. и плата за обѣдь по 5 руб. въ мѣсяцъ. На Измаила Ивановича пала кручина добыть нуждающимся денежными пособіями изъ университета, а достичь этого ему было совсѣмъ не легко. Специальныя средства университета состояли только изъ платы за слушаніе лекцій, которая, въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, не могла быть сколько нибудь значительной, при тогданией сравнительной малолюдности студентовъ. Если нынѣ такие факультеты, какъ историко-филологический и физико-математический, считаются своими студентами многими сотнями, то въ наше время здѣсь были только десятки студентовъ, да и то ничего не платившихъ. При крайне стѣсненныхъ денежныхъ средствахъ, правленіе университета должно было жаться въ своихъ ассигно-

ванияхъ — и нужны были особая энергія и авторитетныя рѣчи Измаила Ивановича среди его коллегъ-декановъ, чтобы выводить настъ изъ безвыходнаго положенія. Горячаго его заступничества при этомъ было мало, ему нужны были для правленія документальныя свидѣтельства трудолюбія просителей. И Измаиль Ивановичъ съ самаго же начала совѣтовалъ намъ прилежно посѣщать лекціи, записывать ихъ послѣ дома, прорѣзывать свои записи и дѣлать конспекты, а также непремѣнно участвовать въ практическихъ упражненіяхъ. Чтобы добыть намъ материальную помощь, онъ собирая свѣдѣнія о нашихъ занятіяхъ между членами факультета и заставляя настъ самихъ доставлять ему письменные отзывы профессоровъ, вниманіе которыхъ мы успѣли своимъ приложеніемъ заслужить. И старый профессоръ, который никогда не позволялъ себѣ читать лекцій по старымъ тетрадямъ, деканъ и академикъ, который не только управлялъ цѣлымъ отдѣленіемъ Академіи, но и ежегодно, вмѣстѣ съ Я. К. Гrotомъ, удивлялъ многочисленностью своихъ научныхъ изслѣдований и печатныхъ работъ (а писалъ онъ ихъ всегда въ тишинѣ позднихъ часовъ ночи), этотъ ученый колоссального авторитета, носится, бывало, по темнымъ коридорамъ университетскихъ кинце-ларій съ нашими бумагами, вылуживая оттуда аргументы для предстоящихъ ему рѣчей въ правленіи. И я не помню случая, когда бы эти хлопоты и старанія И. И-ча не увѣличались желаннымъ для настъ успѣхомъ. Слѣдуя своему неизмѣнному обычаю, онъ студентовъ-первокурсниковъ особенно берегъ, какъ родныхъ ему молодыхъ людей, зная по профессорскому опыту многихъ лѣтъ, что эти бѣдняки со 2-го курса станутъ на собственныхъ ноги и, крайне умѣренные въ своихъ потребностяхъ, не будуть

терпеть материальной нужды. Такъ это было съ длиннымъ рядомъ видѣнныхъ имъ факультетскихъ поколѣній; такъ это было и съ нами.

Уже съ января Измаиль Ивановичъ заботился о нашихъ майскихъ экзаменахъ. Врагъ фразы и студенческаго много- знайства, онъ проводилъ въ факультетѣ только минимальное количество экзаменационныхъ предметовъ, чтобы сосредоточить на этомъ немногомъ наши силы. Но говоря съ нами объ экзаменахъ, онъ заранѣе нарочно въ нашихъ глазахъ усиливаль ихъ строгость и трудность, зная, что послѣднее обстоятельство заставитъ насъ напрячь наши молодыя и стойкія силы во-всю. Старый профессоръ, передъ глазами котораго прошло столько университетскихъ поколѣній, здѣсь ошибиться не могъ. Пишущій эти строки такъ выдолбилъ стихотворную скандовку, текстъ Агс Роѣтса Гораций и профессорскій къ нему комментарій, что послѣ многіе годы онъ читалъ напузть мѣста, доставшіяся ему на этомъ первомъ университетскомъ экзаменѣ. За то одолѣть чешскій текстъ Кралеворской рукописи, тогда еще сохранившей позицію подлинности, мы своей группой никакъ не могли. Словаря чешско-русскаго у насъ не было, да и лекціи Вл. И. Ламанского по этому предмету мы посѣщали неисправно. Оттого напѣть даровитѣйший товарищъ, покойный П. И. Аландский, со свойственной ему большой смѣлостью, переводилъ на экзаменѣ слово рѣспу словомъ *печеный*, почему мы послѣ, нѣкоторое время, и дразнили его: «эхъ, ты — печеный!», неделикатно намекая ему на его красное лицо и на рыжеватые волосы.

Не лучше отличился на чешскомъ экзаменѣ и пишущій эти строки, да къ тому же въ присутствіи попечителя учебнаго округа и сопровождавшаго его декана Измаила

Ивановича. Досталось ему переводить стихотворение

Ah ty róže, krásná róže!
 Čemus raně rozkvetla?
 rozkvetavši powrzla?
 pomrzavši usvědla?
 usvědevši opadla и т. д.

Ни чтение чешского текста, ни переводъ его не были удачны. Вообразивши, что слово гоѣ значить «рожка» и rozkveta — «увяла», экзаменовавшійся предположилъ здѣсь рѣчь о красномъ личикѣ дѣвушки, почему-то рано увядшемъ... Студентъ совсѣмъ тонулъ, но И. И. постарался, въ это время, занять разговоромъ попечителя-иѣмца, проходившаго изъ оѣзжихъ губерній, а В. И. Ламанскій, быстро поправляя фальшивое чтеніе и невозможный переводъ, не давая студенту осрамиться. И какъ ни легко-мыслена бываетъ юность, но и тогда нельзя было не видѣть, что и деканъ, и профессоръ старательно вызволили несчастнаго юношу изъ экзаменской бѣды. Дѣлая это очень деликатно, они поставили такой милостивый баллъ, что наши товарищи, занятые каждый ожиданіемъ своего экзамена, могли бы и ничего не замѣтить, если бы самъ спасенный не разболталъ имъ послѣ эти пріятнѣя для него подробности.

Кстати объ экзаменахъ П. И. Срезневскаго. Читая курсъ Энциклопедіи славяновѣдѣнія и Славяно-русскихъ древностей, образцовый по полнотѣ содержания и по точности изложенія, краткаго, чуждаго всякихъ ораторскихъ прикрасъ, онъ зналъ, что студенты памятно взять ихъ могутъ, хотя такая краткость и необычайная точность этого, какъ бы стального, его языка, и заставлять ихъ напрягать свои силы до крайнихъ предѣловъ. Но менѣе

онъ полагать надежды на усвоение студентами, не специалистами славяновѣдѣнія, фонетическихъ особенностей славянскихъ языковъ, чешскаго, сербскаго и польскаго. Мы все могли убѣдиться, что онъ былъ необычайно добръ и снисходителенъ къ тѣмъ изъ студентовъ, которые избрали себѣ другія факультетскія дисциплины и прилежно занимались ими. Требуя основательныхъ отвѣтовъ отъ специалистовъ славяновѣдѣнія, онъ былъ въ отношеніи другихъ студентовъ неизмѣнно снисходителенъ, при всемъ своемъ, какъ бы постоянно озабоченному и строгому видѣ и этой улыбкѣ, носившей въ себѣ признаки скрытаго юмора, въ нужномъ случаѣ принимавшаго мѣткую и изящную форму выраженія. Вѣчна ему память за это гуманное къ нашимъ слабостямъ отношеніе!

III.

Сами собой возникаютъ воспоминанія о практическихъ занятіяхъ И. И. Срезневскаго. Одно слушаніе и систематическое записываніе лекцій И. И. считалъ недостаточнымъ для студентовъ. Въ связи съ этимъ ближайшей ихъ обязанностью онъ ставилъ практическія занятія. Далекій отъ мысли стѣснять здѣсь свободу выбора предметовъ для такихъ занятій и навязывать всѣмъ и каждому имъ самимъ преподаваемыя дисциплины, И. И. открывалъ практическое руководство для желающихъ съ первого же курса, по истечениіи 2—3 первыхъ мѣсяцевъ пребыванія ихъ въ университетѣ. Эти занятія происходили въ его квартирѣ. На нашемъ курсѣ предметомъ ихъ служили сначала русская палеографія и изученіе рукописныхъ памятниковъ древней русской литературы. Для этого, къ установлен-

пому часу определенного дня, залу и гостинную И. И-ча уставляли стульями и отдельными столиками съ разными, разложенными на нихъ, палеографическими листами избранныхъ текстовъ, съ навощенной бумагой и съ очищенными карандашами. Все это было заботливо изготавляемо заранѣе, чтобы не терять студентамъ короткаго зимой въ Петербургѣ свѣтлого времени. Стоя въ круту новичковъ, И. И. сначала объяснялъ техническіе приемы палеографического копирования рукописей, при этомъ для наглядности, первую строку избранного памятника онъ снималъ тутъ же, на виду у всѣхъ, самъ. Онъ рекомендовалъ намъ спокойствіе и возможную внимательность ко всѣмъ подробностямъ начертанія и при этомъ не указывалъ никакой количественной задачи на дневной срокъ. Требовалась только посильная точность снимка, все равно будетъ ли онъ сделанъ въ одинъ или въ два приема. Когда снимокъ былъ оконченъ, И. И. давалъ объясненія предложенного памятника со стороны хронологіи, исторіи, палеографіи и грамматики. Выставляя положенія, онъ рекомендовалъ студентамъ тутъ же самимъ подбирать примѣры и доказательства въ скопированномъ текстѣ. Такимъ способомъ студенты пріучались къ внимательному изученію произведений древне-русской письменности, къ усвоенію особенностей ихъ начертанія и къ различенію ихъ по эпохамъ. Въ виду того, что палеографическая данная здѣсь играли главную роль, то, чтобы пріучить руководимыхъ имъ къ болѣе близкому знакомству съ формами графики данного времени, И. И. совѣтовалъ составлять палеографические указатели алфавита скопированного памятника, не упуская изъ вида здѣсь никакой подробности, хотя бы и самого малаго варианта въ начертаніи ихъ.

Въ подборѣ памятниковъ соблюдалась строгая постепенность. Сначала студенты сидѣли надъ листами памятниковъ XI, XII ст., потомъ XIII, XIV и т. д. Группы предлагалась одинъ и тотъ же текстъ, чтобы всестороннее изученіе его шло, при общей работѣ, оживленіе и чтобы болѣе способные студенты помогали въ аналитическомъ разборѣ своимъ медлительнымъ товарищамъ.

Предметы своихъ практическихъ занятій И. И. имѣть обычай разнообразить. Въ другой годъ онъ пріучалъ желающихъ къ составленію специальныхъ словарей къ русскимъ писателямъ—и для болѣе яркаго образца того, какъ различаются въ значеніяхъ одни и тѣ же слова въ зависимости отъ среды ихъ употребленія или отъ связи словосочиненія, избралъ для насть Басни Крылова. И помимо, съ какимъ живымъ интересомъ взялись за это подробное изученіе Крыловскаго гenia даже студенты, специальностью которыхъ не была одна русская литература!

Ученый широкаго кругозора и разнообразныхъ научныхъ интересовъ, И. И. хотѣлъ, чтобы студенты сразу не запирались каждый въ очень узкія рамки специальности. Онъ желалъ, чтобы мы пріобщались къ болѣе виднымъ проявленіямъ научной мысли нашего времени. Такъ, во второй половинѣ 60-хъ годовъ этнографы на Западѣ особенно оживленно занимались вопросомъ о свайныхъ постройкахъ доисторического периода; тогда вышло сочиненіе Келлера *Die Pfahlbauten*. Увлеченный открытіями этого ученаго, И. И. пожелалъ, чтобы и желающіе изъ насть ознакомились съ этимъ, тогда какъ бы очереднымъ, вопросомъ. Онъ далъ намъ свой экземпляръ этой книги и посовѣтовалъ выбрать изъ нашей среды товарища, который представилъ бы подробное резюме этого сочиненія. Среди

пасъ бытъ одинъ студентъ — исклочительныхъ дарованій и образцового трудолюбія. Сынъ сельского священника Петербургской губ., питомецъ духовной семинаріи, онъ самъ себѣ бытъ обязанъ знаніемъ языковъ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго и съ 19 лѣтъ жилъ переводами сочиненій Спенсерса, тогда пользавшагося особымъ вниманіемъ и спросомъ въ нашемъ образованіи обществѣ. Широко для студента начитанный въ западно-европейскихъ литературахъ, онъ сосредоточивъ свои занятія на греческихъ писателяхъ и готовилъ изъ себя эллиниста-профессора. Но, обладая превосходствомъ исклочительныхъ дарованій, онъ бытъ и очень склоненъ къ поспѣшной критикѣ того, что занимало и увлекало другихъ. Оттого его сужденія часто совсѣмъ расходились съ понятіями другихъ, и иногда его выраженія принимали при этомъ рѣзкую форму. Живя на окраинѣ города одиноко и лишь въ мірѣ книгъ, какъ-то не обладать онъ способностью угадывать время и среду, въ которой ему приходилось говорить и дѣйствовать. Это сказалось и на его рефератахъ о выше названномъ сочиненіи Келлера. Задача его состояла только въ добросовѣстной передачѣнамъ, глава за главой, содержанія этой книги; свои же сужденія онъ, при доброй волѣ, могъ-бы изложитъ въ заключеніи. Но это бытъ такой гиперкритический умъ, что стояло ему, будь то какой угодно авторитетный совѣтникъ, подать указаніе и совѣтъ, чтобы онъ сдѣлать рѣшительно противоположное. И въ этихъ членіяхъ критику книги нашъ товарищъ поставилъ на первомъ мѣстѣ и съ первого же вечера реферируемый авторъ, которого мы хотѣли и должны были узнатъ, оказался на второмъ планѣ. И. И. Срезневскій, не ожидавшій этого, сдѣлать тутъ же замѣчаніе, что мы сюда собрались главнымъ образомъ для ознаком-

ления съ результатами этой интересной книги, и посовѣтова-
валь, чтобы въ слѣдующій разъ референтъ ближе держался
текста даннаго сочиненія. Совѣтъ этотъ имѣлъ обратное
дѣйствіе. Черезъ недѣлю мы слушали сплошную субъ-
ективную критику нашего товарища, но не результаты
изслѣдованія Келлера. И. И. повторилъ то же замѣчаніе, но въ
формѣ уже болѣе категорической и съ ноткой раздраженія
въ голосѣ, которую мы другіе должны были замѣтить и
которой, къ сожалѣнію, не разсльшали и не примѣтили
нашъ товарищъ. Собрались мы въ квартирѣ И. И-ча въ
третій разъ для слушанія этого реферата. Но характеръ
его быть еще болѣе субъективный, чѣмъ въ два первыя
чтенія. Выступали передъ нами только референтъ и его
какъ бы придирчивое отношеніе къ книгѣ, но не сама
книга съ ея фактическимъ содержаніемъ. Къ тому же самое
изложеніе своимъ догматическимъ тономъ рѣзalo ухо И. И-ча;
онъ не выдержалъ, всыпилъ — и дальнѣйшія чтенія по
этому вопросу болѣе не продолжались. Этотъ инцидентъ
стоилъ послѣ бесконной ночи старому профессору, котораго,
конечно, вѣдь только доброе сердце заставляло такъ нян-
читься съ нами; но едва ли этотъ случай охладилъ гипер-
критическую манеру сужденій нашего товарища. Это свой-
ство его ума повело впослѣдствій къ тому, что магистер-
ская его диссертациѣ прошла въ факультетѣ съ большими
трудами; публичный его диспутъ, благодаря рѣзкости
диспутанта, сопровождался тяжелой сценой раздраженія
въ профессорской средѣ. А когда нашъ товарищъ послѣ
представилъ новую книгу на степень доктора греческой
словесности, наполнивши ее болѣе философскимъ содер-
жаніемъ, чѣмъ филологическимъ материаломъ, то философы
нашли, что этотъ философский элементъ мало само-

стоятеленъ и научно-пѣненъ, а филологи указали на недостаточность собственно филологическихъ фактовъ. Книга была забракована въ петербургскомъ университѣтѣ, не прошла она и въ другомъ, гдѣ филологи-эллинисты сказали, что это сочиненіе болѣе философскаго характера... Эта неудача глубоко огорчила нашего несговорчиваго молодого ученаго и имѣла роковое влияніе на его дальнѣйшую судьбу. Онъ перво заболѣлъ, лѣчился, но возвратиться къ составленію докторской диссертациіи уже не могъ, оставшись на всегда доцентомъ. Подъ конецъ своей, рано прервавшейся, жизни, онъ обратился къ составленію курса лекцій по древне-греческой исторіи. Это бытъ блестящий курсъ, созывавшій въ его большую аудиторію не однихъ студентовъ историко-филологического факультета, но и юристовъ, и естествениковъ. Изъ этихъ лекцій составившаяся и напечатанная книга послѣ рекомендовалась профессорами другихъ университетовъ студентамъ историкамъ въ качествѣ авторитетнаго пособія. Эти лекціи заставили говорить покойнаго нашего общаго друга по петербургскому университету, профессора-историка и ректора кіевскаго университета О. Я. Фортинскаго, что нашъ товарищъ въ этихъ историческихъ занятіяхъ, наконецъ-то, нашелъ свою настоящую дорогу. Но смерть какъ бы караулила того и другого — и оба они рано ушли изъ жизни, не успѣвші развернуть всей полноты дарованій, отмѣренныхъ имъ природой.

И. И. Срезневскій заботился также и о нашемъ литературно-эстетическомъ образованіи. Предостерегалъ насъ отътраты времени на чтеніе модныхъ французскихъ романовъ, онъ въ своихъ домашнихъ субботнихъ бесѣдахъ рекомендовать намъ читать Вальтеръ-Скотта и Диккенса; отъ него первого мы услышали восторженный отзывъ о только-что

появившемся тогда въ печати романѣ гр. Л. Н. Толстого «Война и Миръ». Пишуцій эти строки помнить, что, подъ вліяніемъ этихъ рѣчей нашего старого профессора, нѣкоторые изъ насъ начали составлять на Апраксиномъ рынке, у букинистовъ, коллекцію произведеній англійскихъ романистовъ въ переводахъ Иринарха Введенскаго; и послѣ, особенно Диккенсомъ, мы сильно увлекались. А книги «Войны и Мира» увезены нами были на святки въ глухую деревню Владимирской губерніи и тамъ были прочитаны съ восторгомъ, не забытымъ и на протяженіи 45 слѣдовавшихъ затѣмъ лѣтъ.

Покойный И. И. Срезневскій могъ съ полнымъ правомъ считать себя учителемъ цѣлой плeяды блестящихъ профессоровъ, ученыхъ, педагоговъ и дѣятелей литературы: его слушателями и учениками были М. И. Сухомлиновъ, Н. С. Тихонравовъ, братья Петръ и Николай Лавровскіе, Пышинъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, В. И. Ламанскій, Л. Н. Майковъ, Макушевъ, Будиловичъ, Т. Д. Флоринскій, Р. Ф. Брандтъ и др. О необыкновенной даровитости Чернышевскаго и Добролюбова И. И. въ нашемъ обществѣ вспоминаль и въ ту пору, когда направление ихъ публицистической дѣятельности старый учитель одобрить уже никакъ не могъ.

IV.

Мы само собою подошли къ тому, что И. И. Срезневскій слѣдилъ за своими бывшими учениками и спустя много лѣтъ послѣ ихъ студенчества, когда судьба заставляла ихъ жить и дѣйствовать далеко отъ его непосредственнаго круга и далеко отъ Петербурга. Этимъ вниманіемъ Измаиль

Иванович дарилъ не только своихъ ближайшихъ учениковъ и продолжателей научной разработки имъ преподаваемыхъ дисциплинъ славяно-русской филологии. Яркій примѣръ отеческаго отношенія его къ успѣхамъ бывшаго студента-филолога совершенно другой специальности, сохранился въ памяти всѣхъ здравствующихъ товарищъ нашего курса.

Одинъ изъ насть, отправившись на казенный счетъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ римской словесности и получившій совсѣмъ отъ своего ближайшаго профессора-руководителя заняться тамъ, на свободѣ отъ служебныхъ обязанностей, обработкой какой либо *живой* и болѣе для *русскоаг читателя понятной* темы историко-литературнаго или историческаго (изъ круга бытовыхъ римскихъ древностей) характера, въ Италии, однако, остановился на эпиграфической и лингвистической задачѣ, совсѣмъ до тѣхъ поръ не входившей въ кругъ русскаго университетскаго преподаванія и нашего отечествен-наго научнаго изслѣдованія. Эта работа по первоисточникамъ, открывшимся для него на протяженіи Южной Италии и Сицилии, стала у него спориться и самая задача, сначала задуманная въ скромныхъ размѣрахъ и только въ смыслѣ докторской диссертациі, разрослась до академического изданія, въ появленіи котораго заинтересовались тогданий министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой, доставившій на напечатаніе его казенныя средства, и иностранные специалисты. Этотъ нежданній успѣхъ естественно вскружили голову молодого человѣка; для окончанія своего расширявшагося предпріятія онъ смѣло, не взвѣшивъ послѣдствій своего поступка, оставилъ свою доцентскую службу въ одномъ изъ окраинныхъ университетовъ и

остался за-границей. Такой поступокъ начинаящаго ученаго, не имѣвшаго никакихъ личныхъ материальныхъ средствъ, возбудилъ неодобрение и въ официальномъ мірѣ, увидѣвшемъ въ этомъ пустую браваду, и въ большинствѣ его друзей и знакомыхъ.

Но совершенно иначе взглянулъ на это дѣло И. И. Срезневскій. Когда, спустя два года, тогдашній доцентъ Московскаго университета представилъ въ Петербургскій университетъ свою докторскую диссертацию на тему о надписяхъ одного изъ древнихъ итальянскихъ нарѣчий, то Измаиль Ивановичъ отнесся и къ смѣлому автору и къ этой, очень специальной, книжѣ съ исключительно благосклоннымъ вниманіемъ. Онъ освѣпалъ книгу комплиментами, сдѣлалъ, какъ деканъ факультета, все зависящее, чтобы скорѣе назначить день диспута, и самъ лично принявши въ преніяхъ живое участіе, высказалъ пожеланія автору, чтобы онъ не останавливался только на начертаніяхъ словъ, на звукахъ и формахъ изучаемаго нарѣчія, а постарался, по даннымъ языка, нарисовать образъ того народа, который когда-то говорилъ этимъ языкамъ, его религиозныя вѣрованія, формы его юридического и административного уклада, его бытовыя особенности, но все это сдѣлалъ бы научно и осторожно, насколько это позволяютъ наиболѣе надежныя данные изучаемаго языка.

Въ этихъ словахъ и дружественныхъ совѣтахъ Измаила Ивановича виденъ былъ широкій кругозоръ ученаго изслѣдователя и слышалось доброе сердце старого профессора въ отношеніи прежняго студента его факультета. Этихъ знаковъ его исключительного вниманія было совершенно довольно для новоиспеченаго доктора; всѣмъ этимъ онъ былъ польщенъ и почтенъ свыше мѣры. Но Измаиль

Иванович снова какъ бы помолодѣлъ и пожелалъ созвать къ себѣ въ домъ всѣхъ прежнихъ его товарищѣй по университету, какіе тогда (это было въ 1877 году) находились въ Петербургѣ. Онъ пригласилъ ихъ къ обѣду, а тѣхъ, кто успѣлъ обзавестись къ тому времени семьею, просилъ пріѣхать и съ женами.

И вотъ мы, хотя уже теперь и далеко не всѣ, сошлись снова въ этой семьѣ, гдѣ мы учились, гдѣ бывали гостями и гдѣ, въ маѣ 1870 года, прощивали цѣлую почью. И. И. къ тому времени замѣтно постарѣлъ наружнымъ видомъ; но въ тотъ, на всю жизнь намъ милый, вечеръ онъ снова оживился и, чуждый любви къ эффектнымъ рѣчамъ и ко всякой выставочности, за столомъ, когда подали вино, поднялся и сказалъ сердечное привѣтствие новому доктору, одобряя его самостоятельность въ выборѣ такой необычайной темы для диссертации и стойкость, проявленную имъ въ защитѣ ея отъ порицаній, которыхъ прежде сыпались на него по этому поводу. Его совѣть была при этомъ — въ научныхъ занятіяхъ и въ практической дѣятельности — слушаться главнымъ образомъ *внутреннаго голоса* и идти туда, куда влечетъ *свободный умъ*, не боясь никого и ничего, кромѣ лжи передъ собой и другими.

Это была едва-ли не послѣдняя бесѣда Измаила Ивановича въ своеемъ домѣ въ студенческой средѣ. Слѣдовали затѣмъ два заключительные года его жизни, съ немощами и печалями. Въ февралѣ 1880 года его не стало. Черезъ нѣсколько дней студенты и профессора историко-филологического факультета Московскаго университета на Николаевскомъ вокзалѣ съ чувствомъ глубокаго почтенія встрѣчали и провожали на Рязанскій вокзалъ бренные

останки И. И. Срезневского во время съѣдований ихъ изъ Петербурга въ родное ему село Срезнево Спасскаго уѣзда Рязанской губ., где нѣкогда его дѣлъ о. Евсевий Ивановичъ былъ бѣднымъ священникомъ-землемѣтцемъ.

Истекаетъ 43-й годъ съ тѣхъ порь, какъ мы перестали быть студентами П. И-ча. Оставшися въ живыхъ, мы сами давно посѣдили и для молодыхъ людей настоящаго времени уже сдѣлались далеко не во всемъ понятными стариками. На нашемъ жизненномъ пути суждено было намъ видѣть много почтенныхъ людей, — даровитыхъ, широко образованныхъ, ученыхъ, энергичныхъ, честныхъ, лицъ сильной воли; но когда мы вспоминаемъ величавый образъ И. И. Срезневского, то изъ дали нашихъ студенческихъ лѣтъ онъ встаетъ передъ нами со всею привлекательностью воплощенія тѣхъ жизненныхъ правилъ Ломоносова, которыя самъ Измайль Ивановичъ передъ почитателями великой памяти этого славнаго русскаго гения, собравшимися со всей Россіи¹, формулировалъ столь точно и изящно въ этихъ замѣчательныхъ выраженіяхъ:

«Путеводныя правила... жизни (Ломоносова) просты», — говорилъ онъ въ томъ собраніи:

«Трудись настойчиво, отчетливо, честно, — чтобы послужить отечеству по силамъ.

«Люби отечество, живи для него.

«Люби его, люби науку. Она намъ необходима — строгая въ изслѣдованіяхъ, ответственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направлению, родная по языку. Она должна быть основой и судей всѣхъ нашихъ успѣховъ, душой

1) П. Мельниковъ, Описание празднества, бывшаго въ С.-Петербургѣ 6—9 апреля 1863 года по случаю столѣтия юбилея Ломоносова. П. 1863, стр. 20.

порядка, вождатаемъ промышленности, свѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всѣми, царемъ и народомъ, отъ враговъ явныхъ и тайныхъ, отъ невѣжества и безопасности, чванства, своеокорыстія, суетудрія и суесловія.

«Люби науку не въ себѣ одноз., а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и тепли любовь эту въ юношахъ».

Эти слова у И. И. Срезневского выились въ столь привлекательной форме, потому что они составляли исповѣданіе *его собственного Credo*, выражали силу и значеніе всей профессорской его дѣятельности. Это онъ — самъ любилъ науку *во всѣхъ ей преданныхъ* студентахъ, какую бы научную специальность они, по внутреннему влечению, ни избрали; это — самъ Измаиль Ивановичъ неустанно *теплилъ любовь къ наукѣ* въ насъ, петербургскихъ филологахъ. Вѣчная ему память и благодарность за эти прекрасныя свойства его благородной души!

Иванъ Цвѣтаевъ.

16 мая 1913 г.